

18+

Дело о призраке лорда
Барроудейл

Детективный клуб
"Карамельное перышко"

Вера Абельянс

Вера Абельганс

**Дело о призраке
Лорда Барроудейл**

«Издательские решения»

Абельганс В.

Дело о призраке Лорда Барроудейл / В. Абельганс —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-701177-8

Три подруги, старинный английский город, чай, пирожные и собачки — казалось бы, идеальный рецепт спокойной жизни. Но стоит одной старой истории напомнить о себе, как уютные будни превращаются в настоящее расследование. Давнее преступление, семейные секреты и тайны, которые в этом городе слишком долго считались забытыми, постепенно выходят наружу. Чтобы докопаться до правды, девушкам придётся заглянуть туда, куда вежливые люди обычно предпочитают не заглядывать. Но кто посмеет их остановить?

ISBN 978-5-00-701177-8

© Абельганс В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дело о призраке Лорда Барроудейл

Вера Абельганс

© Вера Абельганс, 2026

ISBN 978-5-0070-1177-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Кофейня должна была закрыться ещё полчаса назад, но внутри всё ещё сидел последний посетитель. Он не только потерял счёт времени, но и совершенно не замечал намёки на то, что ему давно пора было держать путь в сторону дома, или куда он там собирался.

Вэл уже третий раз протёрла стойку, разместила чистые чашки на полках, вымыла и выключила кофемашину. И даже всерьёз подумывала начать мыть полы в помещении. А молодой человек продолжал вчитываться в текст документов, лежащих у него на столе.

«Будто выискивает в договоре аренды разрешение на проживание мадагаскарских тараканов,» — подумала Вэл, предполагая, что же такого интересного в этих бумагах. «Или же пытается понять, как поделить собаку по брачному контракту. Рассматривать её движимым или всё-таки недвижимым имуществом».

Недвижимое имущество самой Вэл, в виде лежащего на отдельном диванчике мопса, издало тяжёлый вздох. Конечно, ведь целый день лежать и спать — это ой, как не легко!

В отсутствие привычных звуков кофейни — шума разговора, тонкого фона музыки и шипения пара кофемашины — таймер духовки прозвучал неожиданно громко, почти пугающе. Молодой человек вздрогнул и пришёл в себя. С удивлением оглянувшись и осознав, что он остался единственным гостем, он чуть виновато проговорил:

— Вы закрываетесь?

«Наконец-то!», — с облегчением выдохнула Вэл, но вслух вежливо произнесла:

— Уже закрыты. Но не торопитесь, я ещё минут десять буду заканчивать с уборкой.

Он кивнул и, будто спохватившись, отложил документы.

Вэл отправилась на кухню, вынула из духовки бисквиты с золотистой корочкой, обжигающие кончики пальцев. За ночь заготовки остынут под плёнкой и не будут сильно крошиться при резке.

Когда она вернулась в зал, молодой человек выглядел спокойнее. Как будто сложное и важное решение было наконец принято. Он собрал документы, сложил их в толстую папку на молнии и направился к выходу. У витрины он остановился и замер. Перед ним был ещё один выбор: взять с собой воздушный круассан с румяным масляным боком или же сытный, плотный киш?

Глава 1

Кентербери жил своей привычной жизнью, неторопливой, аккуратной и слегка самодовольной. Узкие улочки, вымощенные камнем, терпеливо принимали на себя поток туристов, а старые дома с неровными фасадами спокойно стояли на своих местах, не пытаясь никому понравиться. Для туристов они были лишь идеальными ракурсами для хвастливых фотографий в соцсетях. А для местных оставались привычным фоном, красоту которого давно перестали замечать.

Железнодорожная станция была таким же элементом этой повседневности. Не самой красивой, зато необходимой. Поезда здесь, как и во всей Англии, отменяли с удивительным спокойствием, будто это было не исключение, а часть расписания.

Впрочем, все к этому давно привыкли и воспринимали как должное. Но Таня так и не смогла смириться.

Ещё минуту назад всё шло прекрасно, и вот внезапно на табло рядом с информацией о приближающемся составе появилась предательская надпись «Cancelled¹». И все дальнейшие планы посыпались, словно карточный домик.

«Интересно, какая на этот раз причина для отмены поезда?» — Таня начинала закипать. «Машинист заболел? Один на всю Англию? Или подул ветер и засыпал пути листвой? Или на крыше вагона сидит котик и требует лосося из Mark & Spencer?».

Знала бы она, что так выйдет, поехала бы на такси. Или не поехала бы вообще. Но она уже собралась, выгуляла собак, и уговорила мопса Люсю остаться дома на диване перед телевизором. На что та, кстати, подозрительно быстро согласилась. Теперь же Таня и осторожно выглядывающая из сумки-переноски чихуахуа Молли остались вдвоём на пустынной платформе, придумывая план Б.

«Приносим извинения за отмену состава. Воспользуйтесь альтернативными вариантами», — невозмутимо вещал динамик.

Вот так. Поезд отменён в последнюю минуту. Британские железные дороги были верны себе. «Скажите уже честно, что пассажиров слишком мало для рентабельности», — ворчала Таня.

На станции и правда почти никого не было. Утренний поток офисных работников уже растворился в городе, а до приезда туристов было ещё далеко. Так что да, пассажиров было немного, и все они с обречённой покорностью направились к выходу.

— Ладно, Молька, давай искать такси. Может, найдётся добрая душа, которая отвезёт нас на работу.

Кроме Тани с собачкой на перроне остался ещё один человек, молодой мужчина обычной английской наружности. Они бы даже его не заметили, если бы тот не начал оказывать знаки внимания прелестной чихуа.

Да, она редко кого оставляла равнодушным, но взаимного расположения добивались далеко не все. А тут даже Таня удивилась: собака не только не спряталась от беспардонно протянутых к ней чужих рук, но даже проявила некую благосклонность и с интересом обнюхала пальцы незнакомца.

— У меня в кармане есть печенье для собак, можно её угостить? — спросил мужчина.

С каждой секундой отношение Тани к нему начало склоняться в сторону потепления. От «Фу, куда ты тянешь свои лапы к Маса!» до «А он даже очень мил: у него не просто есть угощение — он спрашивает разрешения предложить его собаке!».

¹ англ. отменён

Если ещё и догадается отломить малюсенький кусочек, а не будет просовывать целиком печенье размером с её голову, то сразу станет приличным человеком.

Объявление об отмене состава продублировали по громкой связи. Несмотря на увлечённость общением с собакой и жуткий южный акцент диспетчера, информация о неблагоприятной дорожной обстановке дошла и до молодого человека.

— Как? Поезд отменили? — для англичанина он отреагировал на это достаточно бурно. Можно было бы уже и привыкнуть, не такой уж он и юный.

— Отменили. Я пытаюсь вызвать такси. Или придётся идти на другой вокзал. Там поезд будет через пятьдесят минут.

Таня уже достаточно долго жила в Англии, чтобы не высказывать вслух на чистом русском матерном всё, что она думает о железнодорожном сообщении в этой стране. Это ей ещё несказанно повезло, что в офис в Лондоне она выбиралась два раза в неделю из пяти. А то и вовсе могла проработать всё время из дома, если дела позволяли. А то и не из дома, а из шикарного отеля где-нибудь на Майорке. Хорошо быть начальником!

К сожалению, так удачно складывалось не всегда. Но именно сегодня в Лондон надо было попасть: у неё было назначено собеседование, и это уже очный этап с кандидатом.

Ни одно такси — ни поблизости, ни подальше, а то и вообще во всём Кентерберии — не соглашалось на перевозку питомца.

«Можно подумать, что я еду с алабаем, а не с маленькой, милой и воспитанной чихуахуа! Да она настолько умная, что сама водила бы машину, если бы была такая опция! Да нас сам архиепископ кентерберийский знает!» — всё это Таня проговорила про себя, но благоразумно не стала озвучивать товарищу по несчастью.

— Мы, пожалуй, отправимся на восточный вокзал, — произнесла Таня. «Надеюсь, ты всё же уедешь на такси и не пойдёшь с нами?» — именно такой смысл был вложен в эту фразу.

— О, тогда я составлю вам компанию и тоже пойду на другой поезд!

Если бы сейчас внезапно появился отменённый состав, а железнодорожный оператор в качестве компенсации предложил пожизненный бесплатный проезд, Таня удивилась бы меньше. Англичанин, который заговаривает на улице с незнакомым человеком, да ещё и с женщиной! Здесь мужчины боятся проявить хоть какую-то инициативу, ведь даже за уступленное в набитом метро место или придержанную дверь может прилететь обвинение в харрасменте, а он навязывается в попутчики. Неслыханная дерзость!

Но разомлевшая от печенья Молли была совсем не против такой компании, и Таня смирилась.

Молодой человек, оказавшийся Себастьяном, рассказывал о том, что в детстве у него самого была собака, английский бульдог по имени Арчи. Вернее, он был не его, а отца. Потом отец женился второй раз, но во время медового месяца погиб в горах. А через год умер и пёс. То ли от горя, то ли от жаркого лета. Просто в один день Себастьян вернулся с учёбы домой, а Арчи лежал у двери в холле.

С тех пор в память о собаке он всегда носит с собой его любимые печеньки, но завести собственного пса так и не решается. Сначала университет, потом работа с утра до ночи. Он архитектор, долгое время трудился в крупной строительной компании, и лишь недавно смог начать работать на себя и проводить больше времени дома.

Таня слушала этот рассказ и лишь иногда могла вставить знаки эмпатичного слушания — одобряющее кивание или поддакивание. Но, похоже, собеседник в этом особо и не нуждался. Видимо, он давно работал один и соскучился по общению — только так можно было объяснить его поведение. На секунду ей даже пришло в голову, что он под сильным впечатлением от чего-то, ибо слишком перевозбуждён. Впрочем, Таня тут же отмахнулась от этой мысли и решила, что это просто необычный англичанин.

Обычно дорога от Canterbury West до Canterbury East² занимала минут двадцать прогулочным шагом. Поскольку Тане и Себастьяну торопиться было не нужно, примерно через полчаса они оказались на полпути. Молли бегала по парку, всячески демонстрируя послушание и знание многочисленных команд. Типа «туалетик-туалетик» или «идём, дам тебе круасан». В конце-концов невольные попутчики всё-таки сели в поезд и доехали до своих станций. Себастьян вышел в Рочестере, а Таня доехала до London Bridge³ и направилась в одну из башен Сити.

Уже к вечеру это странное знакомство было почти забыто в офисной суете и искушениях маркетологов, которые набрасывались на Татьяну, когда она выбиралась в Лондон. Ну, так уж получилось, что любимый магазин находился рядом с работой, да ещё и с маленькой собачкой туда пускали. Вот поехала бы с мопсом Люсей — пришлось бы ограничиться только офисом и дог-френдли ресторанчиком.

² англ. железнодорожные станции в городе Кентербери, Кент, Англия

³ англ. центральный железнодорожный вокзал Лондона, соединённый со станцией лондонского метро

Глава 2

Колокольчик над дверью кофейни «Карамельное пёрышко» тихонечко звякнул, выпуская из небольшого помещения запахи свежей выпечки, сладкого крема и кофе. Лишь где-то на заднем плане угадывались характерные нотки бергамота, напоминая об изначальной функции этого места.

Несколько сотен лет маленькая чайная на Розмари-Лейн в Кентербери служила приютом для любителей тишины и сладостей. Казалось, она пережила почти всё, что могло случиться с городской улицей: смену эпох, моду на газеты, радио и телевизоры, а теперь и самую громкую проблему XXI века — людей, которые любят работать за ноутбуками в общественных местах.

Снаружи «Карамельное пёрышко» выглядело спокойно и ничем не примечательно: большое стеклянное окно, манящее десертами и пирожными, массивная дверь с ручкой, пережившей десятки тысяч прикосновений, небольшая вывеска на углу дома с идеально белыми стенами.

Внутри располагалась почти классическая английская гостиная: круглые столики, витиеватые стулья, камин в углу, при этом вполне рабочий, книжные шкафы и картины на стенах. Но если приглядеться, то за фасадом мебели в духе Чиппендейла прятались вполне современные вещи: итальянская кофемашина последнего поколения, холодильные витрины с цифровыми датчиками температуры и диодной подсветкой, а в книжных шкафах вперемешку с классической литературой стояли популярные детективы, составлявшие очень достойную коллекцию.

На невысоком красном плюшевом диванчике, с которого открывался прекрасный обзор на входящих, возлежал мопс. В лучших английских традициях в его жилах текла чуть ли не королевская кровь, и с высоты своей родословной он мог позволить себе одаривать посетителей презрительным взглядом: достаточно ли тот знатен, чтобы позволить себе капучино и пирожное шу с кракелином, или же ему придётся ограничиться чаем с sausage roll⁴.

У Бэйзила, по паспорту BARROWDALE DUKE BASIL OF KENT, был взгляд администратора в дорогом бутике, под которым сразу хотелось ещё раз выстирать и перегладить свою одежду. Или вовсе переодеться — потому что то, что было надето, явно не соответствовало уровню заявленных требований. Но если преодолеть эту строгую преграду, вы получали доступ к кулинарным шедеврам всего мира. Вэлери, хозяйка и главный кулинар заведения, не ограничивалась классическими круассанами или йоркширскими пудингами. Турист из любой страны мог найти здесь знакомые сладости, любимые с детства.

Именно так Таня и Вэл познакомились, а впоследствии и сдружились.

Через три года после переезда из России Таня отчаянно захотела торт «Наполеон». Такой, из детства. С хрустящими тонкими коржами из рубленого теста и простым заварным кремом. И обязательно со сгущёнкой и маслом. Она готова была отправиться в Лондон в поисках какой-нибудь русской умелицы, которая делает торты на дому.

Но по пути на вокзал она вдруг обнаружила вожделенный торт в витрине кондитерской. Сначала Таня не поверила в это чудо. Да, она сюда заглядывала, если время позволяло. И даже мило общалась с девушкой за прилавком. Но как в старом, очень старом английском городе с самым древним собором, мог оказаться классический советский десерт с именем французского императора?

А всё оказалось просто. У Вэлери когда-то был русский муж, и именно его мама познакомила невестку с русской кухней. И даже передала несколько семейных рецептов. Мужа уже не было — он получил британский паспорт и свалил в закат. А Вэлери от переживаний и такого вероломства начала заедать горе сладким. Британская кухня не смогла заглушить эту боль, а

⁴ англ. по своей сути — сосиска в тесте. По факту — фарш, завернутый в слоёное тесто

вот русская — вполне. Потом она бросила карьеру юриста, отучилась в знаменитой французской кулинарной школе и купила небольшую кондитерскую. Это дело так увлекло Вэлери, что она постоянно расширяла ассортимент и быстро нарастила клиентскую базу. Таня своим появлением в её жизни задала ей очень высокую планку, и в меню появились пирожки. С капустой, яблоками, творогом с зеленью, луком с яйцом и мясом. Нормальные пирожки с мясом, а не это английское недоразумение с фаршем.

Но не только девушки нашли общий язык. Совершенно невозмутимый сэр Бэйзил, относившийся с презрением ко всем соплеменникам и не проявлявший ни малейшего стремления к социализации, совершенно потерял голову при знакомстве с мопсом Тани Люсей. А та, будучи ещё юной и легкомысленной собакой, не понимала глубины чувств этого аристократа.

Так они и жили: Вэл вкусно готовила и радовала Таню, та приводила с собой Люсю и радовала мопса Бэйзила, Люсю же радовали собачье печенье и взбитые сливки.

Сегодня у Татьяны был спокойный день, без важных совещаний или встреч, и она решила поработать из кафе.

— Что у тебя сегодня интересного? — спросила она, ставя сумку рядом со стулом.

Пока Вэл возилась с кофемашиной и воздух наполнялся густым, манящим ароматом свежемолотых зёрен, Таня медленно прошлась взглядом по витрине: аккуратные куски тортов, ровные ряды пирожных, стекло, запотевшее от тепла. Она мысленно прикидывала, стоит ограничиться одним десертом, или взять сразу два. Судя по настроению, задержаться здесь она планировала надолго.

— Торт «Эстерхази», — ответила Вэл. — Даже нашла хороший абрикосовый джем. Австрийский.

Таня задумалась. Слово было знакомым, но особого интереса не вызывало.

— А если не такое изысканное?

— Эклеры. С фисташковым кремом и малиной. Могу сделать и с обычным заварным.

Звучало вкусно, но хотелось не этого.

— Я ещё поставила в духовку пирожки, когда ты написала, что выходишь. Скоро будут готовы, минут пятнадцать надо подождать.

— С мясом есть? — оживилась Таня.

— Курица и грибы подойдёт?

— Более чем! А то придумала извращения — эстерхази, фисташка-малина! Где ты её только вкусную нашла в Англии?

— А я и не сказала, что она вкусная.

Таня расположилась за привычным столиком в углу, рядом с диваном Бэйзила. Собаки были на своей волне, и их милое перехрюкивание и шумная беготня перекрывали тихую музыку из динамиков.

В ожидании угощения девушка решила пролистать местные новости. Социальные сети полиции были её маленьким guilty pleasure⁵. Обычно там царило спокойствие: угоны, кражи, мелкие хулиганства. Но Таня никогда не оставляла надежды однажды наткнуться на что-нибудь по-настоящему шокирующее. И вот сегодняшние новости с лихвой возместили многолетнее ожидание и оказались воистину сногсшибательными: произошло убийство.

— Вэл, ты уже видела новости? У нас в поместье неподалёку убита какая-то графиня!

Она зачитала объявление вслух:

«Полиция графства Кент начала расследование по факту насильственной смерти, произошедшей утром в поместье Барроудейл-Мэнор недалеко от Кентербери. В 12:50 сотрудники

⁵ англ. грешное удовольствие; слабость; грешок. Социальное явление, при котором человек скрывает вещи, приносящие ему наслаждение

полиции прибыли по вызову и обнаружили в доме тело 45-летней владелицы поместья — графини Барроудейл. Смерть рассматривается как насильственная.

По подозрению в причастности к преступлению задержан 32-летний мужчина. Он доставлен в участок Кентербери и находится под стражей. Его имя не раскрывается в интересах следствия».

Про такое громкое событие написали удивительно мало, и это немного разочаровывало: никакой тайны, никакого пространства для расследования — всё выглядело предельно ясным, подозреваемый уже задержан.

Таня с удивлением уставилась на фотографию предполагаемого преступника и увеличила её на экране телефона. Она медленно вдохнула, словно собираясь с мыслями, и вдруг поймала себя на том, что не выдыхает.

На секунду в голове стало пусто: это был именно тот молодой человек, с которым она познакомилась несколько дней назад.

— Вот это поворот... — Таня отложила телефон. — Получается, я встречала убийцу? И даже гуляла с ним! — Она замолчала, переваривая сказанное. — Жуть какая.

Ей даже не верилось, что всё это происходит с ней, а не с героиней какого-нибудь детектива. Такого в её жизни ещё не было. А ведь молодой человек казался вполне милым!

Вэлери, наконец, смогла оторваться от готовки и, прихватив блюдо с пирожками, под села к подруге.

— Нет, ты представляешь, — Таня начала негодовать. — Он вот этими самыми руками гладил Мольку.

— Какими — этими? — уточнила Вэл, уже догадываясь, к чему всё идёт.

— Ну... теми, которыми задушил бедную женщину.

— Прямо вот задушил?

— Не знаю. Там без подробностей. Просто «найдена мёртвой». Но всё равно... Нет, ну какой цинизм!

Вэл нахмурилась.

— А он вообще странным был? Ты ничего не заметила?

Таня попыталась прокрутить в голове то утро. Лица, разговоры, маршрут. Но воспоминания путались, за последние дни всего слишком много произошло.

— Да нет. В том-то и дело. Обычный. Ну, разве что слишком разговорчивый для англичанина. Я тогда ещё подумала: либо навеселе, либо что-то случилось. А теперь вон оно как.

— Но ты говоришь, он Молли гладил. И угощал.

— Вот именно! — Таня даже всплеснула руками. — У неё же встроенный радар на всяких мерзавцев, она к кому попало не пойдёт. А тут сама потянулась. Хотя если он правда всегда носит с собой печенье...

Вэл задумалась:

— А если это вообще не он?

Таня помолчала, прикидывая.

— Ну, зная нашу полицию... исключать нельзя.

— Может, как у Агаты Кристи, — оживилась Вэл. — Помнишь «Человек в коричневом костюме»? Все уверены, что он преступник, а в итоге — наоборот. И ещё богатый наследник потом оказался.

— Ну, не знаю. На богатого он точно не тянул, — усмехнулась Таня. — А из наследства у него если только приличный пиджак был. В остальном выглядел весьма обычно.

— Имя есть?

— Не пишут.

— Ищи. Новости новостями, но интернет обычно знает всё.

В интересах следствия данные задержанного не разглашались. Но у Тани была фотография, пусть и сомнительного качества, и имя: Себастьян. Если, конечно, оно было настоящим. И девушка углубилась в свои изыскания, ибо на своей работе она и не такие головоломки распутывала.

Спустя час выяснилось следующее: Себастьян и правда оказался богатым наследником старинного рода, во всяком случае, его профиль в социальных сетях настойчиво убеждал именно в этом.

Вот он на фото у яхты в Монте-Карло, вот — в ложе на королевских скачках в Аскоте, вот — с бокалом шампанского на открытии выставки в Тейт Модерне. Везде дорогие вещи, выверенные ракурсы и два—три аккуратно подобранных хештега. Очень напоминало профиль герцогини Сассекской: демонстрация богатства и статуса, и ничего человеческого. Ни личной драмы, ни шуток, ни случайных фотографий со студенческих вечеринок или «с друзьями в пабе». Почти всё — путешествия, деловые приёмы и мероприятия, куда вход простым смертным заказан.

А вот о самой графине Барроудейл информации почти не нашлось. Пара архивных новостей: сообщение об их с графом свадьбе, заметка о загадочной смерти её мужа лет двадцать назад, несколько неловких выходов в свет и небольшое объявление о новой помолвке — выходило, что её убили за несколько дней до второго бракосочетания. Ни интервью, ни благотворительных фондов, ни светских фотографий. Будто она сознательно избегала публичности, оставаясь тенью, несмотря на громкий титул и статус.

Оказалось, что у графини осталась дочь, но, чтобы это выяснить, Тане пришлось постараться: никаких аккаунтов и лишь одно случайное упоминание в списках учеников элитного пансиона, на которое она вышла по словосочетанию «Лэди Барроудейл».

— Ничего себе, — Таня задумчиво посмотрела на экран. — Я ожидала совершенно обратного. Думала, графиня окажется светской львицей и будет мелькать в хронике, а Себастьяна я найду разве что в виде портрета на сайте выпускников Оксфорда или Кембриджа. Ну или в составе университетской команды по гребле.

— Да уж, яснее не стало, — Вэл пододвинула Тане ещё одну чашку капучино и села рядом. — Получается, этот самый Себастьян был транжирой и убил мачеху из-за наследства? Дай я тоже на него посмотрю.

Таня протянула подруге телефон с фотографией молодого графа во всей красе и роскоши.

— Подожди, — вдруг сказала Вэл и наклонилась ближе к экрану, прищурившись. — Я его тоже видела.

— Себастьяна? — Таня подняла взгляд.

— Да. Но не одного. Он сидел вон там, у окна, — Вэл кивнула в сторону дальнего столика. — И всё время смотрел на часы. Прямо заметно нервничал.

— Ждал кого-то?

— Именно. А потом пришёл второй. Постарше. У него ещё такая заметная родинка под глазом. Очень... аккуратный и деловой. — Она на секунду задумалась. — Я почему-то решила, что он юрист.

Таня отложила телефон.

— И?

— И вот это было странно, — Вэл нахмурилась. — Он минут семь стоял у стойки. Расспрашивал про каждый десерт. Про состав, про начинку, про то, какой самый популярный. Я уже начала думать, что он правда выбирает.

— Но?

— В итоге сказал, что сладкое не ест. Вообще. Взял только кофе, — она пожала плечами. — А ощущение осталось такое, будто он не десерты выбирал, а... тянул время.

— Оттягивал разговор, — тихо сказала Таня.

— Да. Именно. Как будто знал, что разговор будет неприятный.

— Знаешь, что меня смущает, — Таня не любила, когда её седьмое чувство опытного охотника за головами давало осечку. — Допустим, дизайнерские шмотки можно снять и надеть, что попроще. Но я могу отличить дорогую стрижку из лондонского барбершопа от работы обычного цирюльника.

Она на секунду задумалась, подбирая слова.

— И на руках у Себастьяна не было маникюра. А это странно, если человек действительно тратит такие деньги на внешний вид. И кожа на лице у него была чуть обветренная. Он совсем не выглядел как богатый наследник старинного рода.

— Прибеднялся? — предположила Вэл. — Приезжал просить денег?

— Вот бы узнать детали этого дела, — протянула Таня.

— Я могу спросить у полицейских, — скромно предложила Вэл. — Ко мне часто заглядывают из соседнего участка.

Тане эта идея очень понравилась. Со свойственным ей нетерпением она уже мысленно снаряжала Вэл к стражам порядка, с корзинкой пирожков и горшочком масла.

Но оставить кофейню было нельзя: у помощницы сегодня был выходной, и Вэл оставалась одна — и на кухне, и в зале. Таня вздохнула, и великодушно согласилась отложить этот вопрос до завтра.

Глава 3

Дождь стучал в витрину «Карамельного пёрышка», словно пытался пробиться внутрь — к запаху кофе, тёплого теста и карамели. Короткие, настойчивые удары оставляли на стекле неровные дорожки, которые тут же смывало новой волной.

Вэлери вытерла руки о фартук, бросила привычный взгляд на витрину и поставила на прилавок тарелку с аккуратными шариками баядерки. Это польское пирожное она делала всего третий раз в жизни. И сейчас — исключительно ради напарницы сержанта Треворса. К сердцу самого Колина она давно нашла дорогу: после столовской еды любая её выпечка казалась ему шедевром. А вот с констеблем Мартой Вишневской контакта не было. Та смотрела на предлагаемые угощения подозрительно и чуть настороженно, словно видела на тарелке не произведение кулинарного искусства, а что-то странное и потенциально опасное. Вэлери решила, что та просто скучает по родным сладостям, и в этот раз надеялась тронуть её сердце. А заодно, если повезёт, и немного ускорить получение интересующей её информации.

Дверь звякнула, и в кондитерскую вошли полицейские. Колин, крепкий и широкоплечий, с круглым добродушным лицом, отряхивал капли с куртки. Его непослушные волосы жили своей жизнью, а щёки тут же порозовели от смены температуры. Марта, стройная и собранная блондинка, лишь слегка стряхнула влагу с рукава и тут же поправила уже почти идеальный низкий пучок. Лишь одна тонкая прядь немедленно выбилась и легла на щеку, будто саботируя безупречный образ. В её карих глазах притаилась цепкая наблюдательность, и они быстро, почти незаметно, пробежались по залу, отмечая детали.

— Доброе утро, мисс Престон, — Колин устроился у стойки. — Два капучино, пожалуйста. И...

Его взгляд уже скользнул к витрине, но зацепился за тарелку на прилавке. Он заметно оживился.

— О, это что-то новенькое?

— Очередной эксперимент, это баядерка — улыбнулась Вэлери, стараясь поймать взгляд его напарницы. — Эти пирожные утром едва не расхватили польские туристы, пришлось буквально отвоёвывать остатки.

(Она немного лукавила: поляков сегодня не было, лишь забегало шумное итальянское семейство. Но это было не важно.)

Глаза Колина загорелись от предвкушения гастрономического праздника. Марта же, напротив, слегка помрачнела. Вэлери отметила эту лёгкую тень на её лице: может, она не любит шоколад? В следующий раз надо будет попробовать приготовить ей кремувку⁶. Полицейские расположились на самых удобных местах у окна, чтобы продолжать своё дежурство, наблюдая за происходящим с улицы из тёплого помещения. Людей сегодня было немного, а мопс Бэйзил даже не встал навстречу гостям: в дождливую погоду его сон был особенно крепок. Он лишь тяжело выдохнул со вздохом аристократа, вынужденного делить пространство с простыми смертными, и перевернулся на другой бок.

Стальная кофемашина проснулась коротким гулом. Вэл вставила рожок, утрамбовала молотый кофе — сухой, плотный, с резким ароматом обжарки, и закрепила его в держателе. Нажатие кнопки, глухой щелчок, и машина выпустила густую, почти масляную струю эспresso. Потом зашипела паровая трубка. Вэл опустила её в холодное молоко, и оно сразу зажило своей жизнью: пузырьки, тихое потрескивание, вибрация металлического питчера в руке. Молоко густело, становилось плотнее, тяжелее, пока не превратилось в бархатистую пену. Вэл влила

⁶ польский кремовый торт или пирожное. Состоит из двух слоёв слоёного теста, наполненного взбитыми сливками, сливочным кремом, заварным кремом или иногда кремом из яичного белка (безе)

поверх её эспрессо. Сначала тонкой струйкой, чтобы соединить структуры, потом чуть шире и быстрее, и вот на поверхности расцвёл кофейный рисунок. Она поставила напитки перед гостями. Колин к этому моменту уже прикончил пару пирожных и смотрел на капучино с благоговением. Марта же осторожно ковыряла своё вилкой.

«Всё-таки ей не понравилось», — отметила про себя Вэл.

— Ну, как? — не удержалась она, кивнув на тарелку констебля.

— Это... ммм, — промычал Колин, жмурясь от удовольствия. — Великолепно. Просто прекрасно. Мисс Престон, Вы — волшебница!

Отлично, можно было плавно переходить к расспросам.

Если бы на месте Вэлери была Татьяна, она бы уже с порога устроила полицейским допрос с пристрастием, и они выложили бы всё, что знали, и даже то, чего не знали. Но Вэл была англичанкой, Колин был англичанином, и поэтому разговор пошёл по длинной дуге: через обсуждение погоды, скачек, последнего выхода членов королевской семьи.

— В новостях опять обсуждают Кейт, — заметил Колин между делом. — Все спорят, похудела она или это пальто так сидит.

— В этой стране проще скрыть убийство, чем лишний килограмм у члена королевской семьи, — спокойно сказала Вэл.

Колин хмыкнул, скорее одобрительно, чем удивлённо. И только после этого, когда все обязательные круги вежливости были пройдены, разговор наконец приблизился к тому, ради чего они и встретились.

— А вы уже слышали про происшествие в Барроудейл-Мэнор? — спросил сержант так, словно речь шла об открытии нового супермаркета, а не об убийстве.

— Невозможно не услышать, — сказала Вэлери и придвинула блюдо с баядеркой поближе к Марте. — Такой шум на весь город.

Марта посмотрела на пирожное как на потенциальную опасность, но блюдо не убрала.

— Подозреваемый был у меня за неделю до этого, — добавила Вэл после короткой паузы. Неуверенно, словно сама проверяла, насколько уместно это сейчас. И не привлекут ли её как свидетеля по делу. — Я узнала его по фотографии.

Колин кивнул. Он как раз доел последний кусок пирожного, аккуратно отложил в сторону вилку и только потом ответил — без спешки, но чётко:

— Подозреваемый — да. А вот виновный ли — пока слишком рано говорить. Презумпция невиновности, все дела. В итоге всё решит суд.

Марта, до этого молча наблюдавшая за разговором, слегка наклонила голову:

— Хотя картина складывается довольно однозначная.

Она сказала это спокойно, без нажима, будто просто обозначила очевидное. И тут же снова замолчала.

Колин хмыкнул, будто соглашаясь наполовину, и продолжил:

— Он утверждает, что покинул дом накануне и больше не возвращался. Но у нас есть запись с камеры. По времени выходит, что он был в Барроудейл-Мэнор утром. Говорит, что получил от графини приглашение, но сообщение не сохранилось.

Он сделал паузу, словно давая понять, что подобных «не сохранилось» в этом деле уже накопилось с избытком.

— Но его мог удалить отправитель, — осторожно предположила Вэл, будто продолжала разговор о сахаре в кофе, а не о том, что в один клик можно срезать целое алиби.

Марта чуть склонила голову набок. Не подалась вперёд, а просто взгляд её стал чуть прицельнее, как у человека, который наконец услышал полезную деталь среди шума.

— Это мы тоже проверим, — сказала она ровно. И уже тем тоном, которым обычно заканчивают фразу в протоколе: — Но, как Вы понимаете, детали дела...

— ...не разглашаются, — закончила за неё Вэл.

На секунду между ними мелькнуло понимание: Марта увидела, что Вэл не будет действовать грубо, а Вэл — что Марта не станет «включать стену» из принципа. И Марта впервые совсем чуть-чуть улыбнулась. Не по-дружески, а как человек, который уважает правила и тех, кто их тоже уважает.

Колин тем временем аккуратно вытер пальцы о салфетку, сложив её так ровно, будто от этого зависела судьба расследования.

— Сегодня должны допросить адвоката убитой, — добавил он. — Там такие заковыранные условия завещания... если всё так, как выглядит на бумаге, в ближайшее время Себ... — он споткнулся на имени, тут же поймал себя и исправился, — подозреваемый мог лишиться денег. Практически всех.

— Вот вам и мотив, — тихо сказала Вэл, и это прозвучало не как обвинение, а как констатация — сухая, из взрослой жизни.

Колин кивнул, не споря:

— Именно так следствие сейчас и смотрит на ситуацию, уж больно мотив очевидный.

Он медленно и аккуратно поставил чашку. Фарфор тихо звякнул о блюде, и от этого звука почему-то стало неприятно. «Очевидный мотив» — формулировка, знакомая Вэлери слишком хорошо. Она встречала её в книгах, которые читала из любви к хорошо выстроенным историям, и знала: когда всё объясняют так рано, то самое важное ещё впереди.

Колин, словно чувствуя, что разговор сейчас уйдёт слишком далеко, снова занял руки: согнул угол салфетки, потом ещё один. И только потом сказал уже более «человеческим» голосом, неофициально, без нажима:

— Скажу одно. Если он невиновен — ему невероятно не повезло. А если виновен... — Колин чуть приподнял бровь, — то он невероятно глуп.

Марта не поддержала шутку, просто добавила. Ровно, без украшений, как будто перечисляла предметы на столе:

— Улик много, но все они косвенные: след обуви, волос на ковре, запись на камере.

Вэлери поймала себя на том, что затаила дыхание — слушала слишком внимательно, будто от интонаций полицейской можно было понять, что именно окажется в газетах завтра. Она кивала, не задавая вопросов, хотя вопросы у неё уже выстроились в очередь.

Колин и Марта поднялись почти одновременно — с тем особым чувством, когда и разговор, и кофе уже закончились. Колин поблагодарил, Марта коротко кивнула.

Колокольчик над дверью снова звякнул, и в кофейню на секунду ворвался холод с улицы, пахнувший мокрым асфальтом и сырой листвой.

Вэл ещё несколько секунд стояла за стойкой, прислушиваясь, как их шаги растворяются снаружи. Потом — как стихает звук колокольчика. Потом — как возвращается обычный шум: ложки, тихие разговоры, шипение кофемашины.

Картина складывалась аккуратная и слишком удобная: подозреваемый говорил одно, факты — другое. Он мог врать. А мог быть тем самым человеком, на которого удобно свалить всё сразу, и заодно красиво закрыть дело до суда. О явных уликах, неоспоримых доказательствах или признании она от полицейских не услышала. Были совпадения, «почти» и «по времени выходит», цепочка, которая выглядит логично ровно до того момента, пока не начинаешь смотреть на неё под другим углом.

Вэл скользнула взглядом по витрине, где под стеклом стояли пирожные: ровные, спокойные, безупречные. Как будто и в мире всё должно было быть так же просто: выбрал — оплатил — получил удовольствие. Но жизнь никогда так просто не работала. Нет, информации определённо было мало. И если правда где-то рядом, её придётся искать.

Вопрос только — где?

Глава 4

Таня проснулась от ощущения, что на неё смотрят. Она резко распахнула глаза и встретила гипнотизирующий взгляд Люси.

— Что? — прошептала Таня, стараясь не разбудить мужа. — Ты голодная? Хочешь пить? Или тебе в туалет? Или что-то болит?

Люся смотрела, не моргая. У Тани закончились предположения. Она вздохнула, выбралась из-под тёплого одеяла, нащупала тапочки и вышла из комнаты. Люся трусила следом, довольная произведённым эффектом.

Молли приоткрыла левый глаз, но вставать не стала. Такие ночные моционы не были редкостью, и она была уверена, что скоро хозяйка вернётся обратно.

Спустившись на кухню, Таня открыла дверь в сад и выпустила собаку. Люська выскользнула в освещённую мягким светом фонарей темноту, но далеко отходить не стала. Иногда во двор заходили лисы, и мопс предпочитала с ними не встречаться.

Вернувшись в тепло дома, Люся деловито прошла к миске. Попыталась выпросить какой-нибудь деликатес, но, встретив суровый взгляд разбуженной среди ночи хозяйки, смирилась с содержимым кормушки и чуть перекусила. Когда тебя угощают свежайшим стейком или покупают консервы с конфи из утки или паштет из говяжьей печени, обычный сухой корм уже воспринимается как простая гречка без масла. Но голод не тётка.

Покрутившись ещё на кухне в поисках чего-нибудь съедобного, Люся шумно похлебала воды и только после этого, с чувством выполненного долга, отправилась обратно спать.

— А я вот уже так легко не усну! — возмутилась ей вслед Таня.

Она включила на кухне небольшой светильник, достала планшет. Минут двадцать Таня упрямо пыталась решить японский кроссворд, но квадратики разъезжались перед глазами. Мысли снова и снова возвращались к убийству.

Она положила планшет на стол, открыла новостной пост об убийстве и стала изучать комментарии. Пользователи сомневались в виновности молодого человека: он вырос у них на глазах и был, по их словам, вежливым, скромным и отзывчивым. Его мать очень любили и уважали, а вот вторую жену графа определённо недолюбливали.

Она так и не смогла войти в местное высшее общество, как ни старалась. Ни показная благотворительность, ни организованные шикарные приёмы в поместье, ни попытки создать новые рабочие места в городе не помогли молодой француженке вписаться в размеренную жизнь английской глубинки. Да Шарлотта, похоже, не особенно и старалась.

Жалели её дочку, которая осталась одна. Как она со своим слабым здоровьем будет справляться в этой ужасной ситуации?

Всё это Таня аккуратно записывала и сохраняла, после чего решила внимательно изучить профиль Себастьяна уже с точки зрения полученной информации. Она сделала себе чай, раз уж спать всё равно не получится: расследование окончательно развеяло последние чары сна.

— Так... посмотрим, что у нас тут, — пробормотала она, устраиваясь на диване с тарелкой пирожков от Вэл.

Профиль выглядел... идеально. Слишком идеально.

Ужин в Savoy Grill, бокал шампанского в фойе Королевской оперы, семинар по коллекционным винам в Berry Bros. & Rudd и даже фотография с королевскими гвардейцами на параде «Вынос знамени» — ежегодном торжестве в честь дня рождения монарха. И ненавязчивая эстетика old money. Выглядит всё просто, а стоит как годовая аренда квартиры.

Таня листала профиль уже десять минут, и ощущение нереальности становилось всё сильнее. Снимки выглядели не как личный аккаунт человека, а как продукт работы дорогого имиджмейкера. Ни живых деталей, ни случайностей, ни эмоций. Везде идеальный кадр, иде-

альный свет, идеальный костюм в интерьерах из стекла и полированных барных стоек. Кажется, можно услышать тихое шипение пузырьков шампанского.

И в каждом кадре — вещи, которые простому смертному даже потрогать страшно: пальто из кашемира от Kiton, тонкий шарф Brunello Cucinelli, часы Patek Philippe. И всё носится с такой изящной лёгкостью, невзначай, без демонстративных ракурсов. Не соцсети, а иллюстрации для стены Pinterest по запросу «богатый английский наследник».

Таня уже который раз прокручивала ленту, и вдруг что-то её насторожило. Она вернула на экран одну из фотографий и увеличила. Там, где Себастьян в пальто Logo Piana. Лимитированная коллекция прошлого года. Тридцать штук на Европу.

У Тани была слабость к визуальным деталям: удачные сочетания, редкие фактуры, вещи с характером. Иногда она сохраняла такие картинки, сама не зная зачем. То ли для доски желаний, то ли для вдохновения и создания образов. Редко возвращаясь к ним потом и массово удаляя в порыве наведения порядка. Но чаще просто забывая. А тут память сработала: прошлой зимой это пальто уже мелькало у неё перед глазами, в подборке «тихой роскоши».

— Очень интересно, — пробормотала Таня. — На станции он был в простой куртке Barbour, джинсах Hiut Denim и ботинках Clarks. Вечные вещи, которым может быть лет десять. А тут — лимитка от люксового бренда!

Она постучала по экрану.

— Так не бывает.

Таня увеличила фотографию.

Что-то было не так. Линия шеи... свет... слегка смещённый воротник...

— Погоди-ка, — прошептала она.

Таня открыла Google Images, загрузила фото, и через пару секунд получила результат.

Оригинал нашёлся. То же пальто. Та же улица. Но мужчина другой, модель из рекламной кампании бренда. Фото Себастьяна просто аккуратно встроили сверху.

Таня медленно выпрямилась, ощущая, как в животе холодеет.

— Это подделка. Либо он сам старается выглядеть в интернете лучше, чем есть на самом деле, — пробормотала она, — либо за него это делает кто-то, кому очень нужно, чтобы он выглядел роскошно.

Насколько она помнила, Себастьян не мог справиться даже с автоматом по продаже билетов на станции. Вряд ли при этом он виртуозно владел фотошопом.

Она нажала на следующий снимок. Вернисаж в парижской галерее. Ещё одна идеальная картинка. Но если приглядеться, из портрета чуть выбивался фужер с шампанским — на нём не было блика от яркого освещения, хотя на начищенной латунной табличке с именем автора и названием картины, какой-то неприлично дорогой абстрактной мазни, он был.

Таня запустила поиск по картинке и нашла этот же кадр в статье об открытии галереи в Марбеле. На оригинале были те же люди, та же картина на фоне, тот же мужчина с фужером в руке. Вот только узнаваемый владелец сети аукционов и коллекционер, изображённый на снимке, был на пару футов ниже Себастьяна. Понятно, что тут просто голову не пристроишь. Вот и вырезали фигуру молодого человека с чьей-нибудь свадьбы.

Дальнейший анализ профиля показывал ещё больше отлично сделанных подделок, которые выдавали почти незаметные при беглом просмотре детали: неправильный ракурс, другое отражение, характерные мелочи, о которых простой смертный и не задумывается. Если бы Таня сама не бывала на благотворительном ужине в «Гросвенор-хаус» и не знала, как выглядит значок участника, она бы даже не обратила внимания на это упущение.

— Зачем? — тихо спросила Таня. — Кому нужно из обычного парня делать наследника, который ходит по гала-ужинам?

В тишине ночи, освещённой только голубым сиянием планшета и тёплым островком света настольной лампы, дом казался необитаемым. Когда раздался резкий звук входящего сообщения, сердце Тани коротко ёкнуло.

«Чего не спишь? Опять спина беспокоит?» — это была Кэролайн, её испанская коллега.

Они сошлись во время командировки Тани в Барселоне, на почве любви к брахицефальным собакам⁷. У Кэролайн жила пугливая старушка-пекинес Стелла, которую она берегла как семейную реликвию. У Тани тогда ещё не было Люси, но мечта о мопсе жила давно, поэтому она с радостью нянчилась с этим крохотным, дрожащим существом с огромными глазами. Тане вообще не нужно было много времени, чтобы стать «своим» человеком. Она умела так располагать к себе людей, будто они знакомы не несколько дней, а с самого детства. Вот и с Кэролайн так получилось. От коллег до близких друзей они дошли быстрее, чем успели сделать первую презентацию для руководства.

«Представляешь, я видела убийцу!» — начала свою историю Таня. «Правда, я уже начала в этом сомневаться».

«Сомневаться в том, что видела?»

«В том, что убийца — это он».

И Таня посвятила Кэролайн в подробности этой истории, ещё раз проговорив вслух свои сомнения. К концу разговора лёгкая на подъём испанка уже купила билеты на первый рейс в Лондон.

«Встречай меня в одиннадцать в Хитроу! Я должна лично поучаствовать в этом расследовании!»

«Но ведь никакого расследования нет», — попыталась возразить Таня, но Кэролайн уже отключилась.

Видимо, повезла Стеллу в соседний город к дочери, чтобы та приглядела за старушкой на время отсутствия хозяйки.

⁷ так называют пород собак с укороченной и широкой формой черепа, из-за чего морда выглядит плоской или приплюснутой. К ним относят следующие породы: английский бульдог, французский бульдог, мопс, пекинес, боксёр, бостон-терьер, ши-тцу и другие

Глава 5

К обеду небо над Кентербери прояснилось, дождь закончился, и ноябрьское солнце светило в окна «Карамельного пёрышка». Таня забрала Кэролайн из аэропорта, и, закинув вещи в гостиницу, они уселись за удобным столиком в кондитерской. Было ощущение, что вместе с Кэролайн в помещение вошло ещё больше света. Упрямые рыжие кудри выбивались из-под шарфа и существовали по своим правилам, откликаясь на каждый поворот головы. Их цвет был медный и такой тёплый, будто в волосах застрял вечерний свет южного закатного солнца. Кэролайн была из тех женщин, чей возраст невозможно угадать: морщинки у глаз выдавали опыт, но походка и взгляд — лёгкость. Открытое, подвижное лицо, живые глаза мягкого орехового оттенка, внимательный, цепкий взгляд. Она двигалась широко и уверенно, с той самой испанской привычкой занимать пространство не из наглости, а потому, что иначе просто не умела. Даже снимая пальто она умудрялась жестиковать, продолжая разговор, который начался задолго до этой встречи.

Кэролайн расцеловала Вэл как старую знакомую, хотя прежде они виделись всего несколько раз, во время её прошлых визитов в Англию. Так уж вышло, что начатое расследование быстро стирало формальности.

Таня и Вэл тем временем обменивались тем, что уже удалось выяснить, пытаясь сложить разрозненные детали в единую картину.

Однозначно вина Себастьяна не доказана, есть только косвенные улики. И есть кем-то сфабрикованный его профиль в соцсетях. Будто созданный специально, чтобы подчеркнуть якобы огромные траты молодого человека. О самой же графине узнать почти ничего не удалось.

— Не понимаю, — сказала Вэлери, ставя перед подругами ещё по чашке капучино. После бессонной ночи только оно и держало их на плаву. — Как можно быть графиней и не оставлять следов? Ни благотворительности, ни официальных мероприятий, ни фотографий из каких-нибудь комитетов. Даже на скачках её нет. Это странно.

— Я прошерстила все местные группы и паблики, — подхватила Таня. — Полная тишина. Похоже, она жила очень закрыто.

— Закрыто — да, — отозвалась Кэролайн, разглядывая витрину с пирожными, словно примеряя мысль. — Но не так, чтобы совсем исчезнуть. Для этого нужен характер.

— Или причина, — заметила Вэл.

— И возраст тут ни при чём, — продолжила Таня. — Она не старая. И, судя по тем двум фотографиям, что мы нашли, очень красивая. Слишком заметная, чтобы вот так просто раствориться.

Кэролайн кивнула, не споря.

— Я думаю, можно поискать ещё заметки в старых газетах, — предложила Вэл.

Таня и Кэролайн с удивлением на неё посмотрели.

— Хочешь сказать, их кто-то хранит? Это же тонны макулатуры!

— В библиотеке точно есть оцифрованный архив. Не знаю, правда, за какой период. И совсем уж локальные издания мы вряд ли найдём. Но попробовать можно.

Кэролайн заметно оживилась. Книги она любила, а тут был шанс попасть в самое сердце английских традиций.

На Таню это произвело обратный эффект — она начала отчаянно зевать.

— Но вряд ли в газетах есть подробности с места преступления, — сказала Кэролайн. — Как я понимаю, у местных жителей уже расходятся версии. И по времени, и по способу убийства.

Таня фыркнула.

— Ой, это да. Чего я только не наслушалась сегодня.

Она загибала пальцы, вспоминая. По одной версии, графиню отравили за ужином, и тело просто нашли слишком поздно. По другой она упала с лестницы, а всё остальное полиция придумала для драматизма. Кто-то уверял, что в поместье видели любовника, сбежавшего через сад, а кто-то, что убийство вообще подстроили, чтобы не делить наследство.

— А моя любимая версия, — добавила Таня, — что она всё это инсценировала и спокойно уехала куда-нибудь на юг Франции. Потому что, если верить слухам, мёртвой её видел только один человек.

— Город маленький, — сказала Вэлери. — Здесь правда всегда обрastaет лишними подробностями быстрее, чем успевает дойти до конца улицы.

Таня кивнула.

— Вот именно. И в этом всё пока слишком много шума и слишком мало фактов.

— Хорошо бы было попасть в само поместье Барроудейл и расспросить слуг, — выдвинула очень смелое предположение Кэролайн.

— Отличная идея, — мгновенно откликнулась Таня. — Я за.

Брови Вэлери поползли вверх. Такое не часто увидишь на лице невозмутимой англичанки:

— Как вы себе это представляете?!

— Может, сказать, что мы проводим соцопрос? — предложила Таня.

— Или что снимаем передачу про архитектуру, — оживилась Кэролайн.

— Нас за километр вычислят как мошенниц, — охладила её пыл Вэлери. — Вы сможете отличить тюдоровский стиль от георгианского? А викторианский от неоготики?

Таня честно задумалась.

— Я могу отличить «очень старое и мрачное» от «чуть менее старого, но тоже мрачного». Этого достаточно?

— Боюсь, в Барроудейле — нет, — сухо сказала Вэлери.

— Может, просто постучать и спросить: «Здравствуйте, можно посмотреть место преступления?» — пробурчала Таня. — Классический вариант.

— Я бы не открыла, — серьёзно сказала Вэлери. — Сейчас откроют разве что доставку.

— И что мы можем доставить? Посылку? Цветы? Письмо?

Вэл задумалась, словно услышала что-то знакомое. Потом резко направилась к стойке и вернулась с потрёпанным ежедневником в кожаном переплёте. Полистав страницы, она заметно побледнела.

— Как я могла забыть...

Она повернула ежедневник к подругам.

Таня наклонилась:

— Что это?

— Заказ. Свадебный торт убитой графини.

Кэролайн подалась вперёд:

— Подожди. Она заказывала у тебя... торт?

— Да. Огромный. Крокембуш. Башня из профитролей с карамельными нитями. У неё же планировалась свадьба. А вместо этого...

— То есть все благополучно забыли про заказ, и никто его не отменил?

— Выходит, что так. Я бы, конечно, завтра позвонила и уточнила. Но ведь могла и не позвонить. И просто доставить готовый торт, как было оговорено.

— Это, кстати, вполне вероятный вариант. В духе хвалёного английского сервиса, — подтвердила Таня.

Кэролайн сияла:

— То есть... мы можем приехать в поместье официально.

— И посмотреть всё, что сможем, — добавила Таня. — Легально. Ну... почти.

Вэл закусила губу.

— Мне придётся за ночь приготовить крокембуш.

— Ничего, — сказала Таня. — Мопсы нам в помощь. Одну ночь не спали, ещё не поспим. Я давно живу в мире, где ночь — это не гарантия сна. А сам сон — непозволительная роскошь!

Вэлери аккуратно закрыла ежедневник:

— Тогда решено. Мы делаем и доставляем торт. И смотрим, что произойдёт.

Приближался традиционный 5 o'clock, и помещение кондитерской стало заполняться людьми. Вэл не смогла больше уделять всё своё внимание девушкам, а начала вести долгие и вежливые разговоры ни о чём с посетителями. Было решено на время прерваться и встретиться позже вечером.

Глава 6

Таня и Кэролайн пришли уже после закрытия: витрина была погашена, в окне отражались уличные фонари, а за стеклянной перегородкой кухни горел приглушённый тёплый свет. Вэлери даже не шевельнулась, хотя обычно мгновенно отзывалась на звук колокольчика. Это было не к добру.

Таня остановилась, и на лице у неё появилось выражение человека, внезапно увидевшего пирамиду Хеопса на месте Биг-Бена. Профитроли занимали все горизонтальные поверхности.

— Ого... — тихо сказала Таня. — Выглядит так, будто ты решила накормить весь Кентербери.

Вэл вздрогнула, обернулась и виновато потёрла нос рукой, оставив на нём след муки.

— Немножко увлеклась.

— Немножко? — Кэролайн приподняла бровь. — Тут не только на торт хватит, а на целый замок. Собираешься строить Кентерберийский собор в миниатюре?

Такое количество мучных изделий привело Молли в крайнее возбуждение. Таня выпустила её из сумки-переноски, и та тут же попыталась пробраться к пирожным на столе, запрыгнув на диванчик Бэйзила. Тот, напротив, охотился за кремом. Все оказались при деле.

— Вы понимаете, заварное тесто... — начала Вэл устало оправдываться перед подругами и, кажется, больше перед самой собой, глядя на масштаб катастрофы. — Если чуть переборщить с яйцом, оно становится жидким. А когда становится жидким, надо заварить новое, более крутое, и смешать. Ну, чтобы спасти ситуацию.

Таня кивнула. Её взгляд медленно скользил от одного противня к другому, как будто она пересчитывала жертвы эксперимента.

— То есть... — уточнила она. — Ты спасала ситуацию... пять раз?

— Семь, — честно сказала Вэл. — Я отвлеклась. Я думала про убийство. И пока думала, добавляла яйца.

— Как я понимаю, в ближайшее время в меню «Карамельного пёрышка» будут профитроли во всех возможных проявлениях, верно? — Кэролайн прикинула взглядом. — Их тут не меньше семисот. Сколько их вообще? И сколько нужно на торт?

— Тысяча шестьсот восемьдесят пять. И один маленький для Молли. На торт нужно штук двести сорок, чтобы он был высоким.

Таня присвистнула. Кэролайн ойкнула.

— Ладно, нечего сокрушаться, — взяла себя в руки Вэл. — Вы наполняете профитроли кремом, я пойду варить карамель. А потом сложим из этого торт.

Через час кухня выглядела так, будто по ней прошёл ураган по имени «Татьяна». Или, если быть точнее, сразу два: «Татьяна» и «Кэролайн». А где-то между ними носился локальный порыв ветра по имени Молли.

Вэлери работала сосредоточенно, почти медитативно: ловко окунала каждый профитроль в карамель, крутила запястье выверенным движением, устанавливала шарики один на другой так, словно собирала архитектурный макет. В её руках карамель ложилась идеально: тонкая, прозрачная, янтарная.

А вот у остальных...

Кэролайн стояла у плиты и мужественно охраняла кастрюлю с карамелью, которая жила своей жизнью. То она тянулась золотистыми нитями, как положено, то внезапно бурлила, угрожая вылезти наружу. Стоило Кэролайн отвернуться на секунду, чтобы отмахнуться от Молли, мечущейся по кухне в поисках упавших крошек, как температура подскакивала, и сахарный сироп превращался в опасное оружие массового поражения.

— Вэл, — жалобно позвала Кэролайн, — она опять стала... какой-то странной.

— Она не странная, просто не терпит, когда внимание обращают ещё на что-то, кроме неё, — успокоила её Таня, держа на руках Молли, чтобы та не нырнула носом в крем. — Она всегда такая капризная. Поэтому я с ней не связываюсь!

Таня заполняла профитроли начинкой. Точнее, пыталась. Каждые три минуты раздавался тихий чмок, на который мгновенно реагировал Бэйзил и слизывал упавший крем. В промежутках он пытался избавиться от сладкой капли на спине, которая доставляла ему некоторые неудобства. Но вспоминал он об этом только тогда, когда на полу подбирать было нечего. А потом снова забывал.

— Таня, ты нажимаешь слишком резко, — мягко сказала Вэл, заметив очередной взорвавшийся профитроль. — Тесто нежное.

— Это не тесто нежное, это Бэйзил мне под ноги лезет! — возразила Таня, глядя вниз.

Мопс натянул выражение глубоко оскорблённого аристократа, которого заставили работать в кондитерском цеху.

— Ладно... — вздохнула Вэл, перенося очередной идеально карамелизированный шарик на конструкцию. — Крокембуш всегда немного хаотичен. Он не должен быть идеальным.

— Это хорошо, — пробормотала Кэролайн, оттирая карамель от локтя. — Потому что рукав моей водолазки склеился и больше никогда не будет идеальным. Его никакая химчистка не спасёт.

— Это временно, — утешила её Таня. — В крайнем случае, мы егоотрежем. Будет у тебя безрукавка.

Кухня напоминала поле боя: карамель тянулась нитями от стола к кастрюле, от кастрюли — к рукам, от рук — к волосам; крем был на столе, на Таниной щеке, на Бэйзиле, который уже смирился и лишь изредка пытался вылизать свою щётку на спине; профитроли катались по полу, как маленькие снаряды.

И среди всего этого хаоса стояла Вэлери — спокойная, собранная, полностью в своей стихии.

Торжественная тишина повисла на секунду, когда она установила последнюю карамельную бусинку на макушку будущего торта.

— Девочки, — сказала Вэлери с чувством, — мы это сделали. Теперь торт должен застыть. Надеюсь, никто в него не врежется?

Слова были адресованы собакам, но те сделали вид, что их это совершенно не касается.

Кэролайн тем временем пыталась отодрать лопатку, намертво прикипевшую к кастрюле с карамелью:

— Это теперь так и останется? Предлагаю продать как абстрактный арт-объект.

Таня сидела на табурете и пыталась оттереть крем с ботинок:

— Вэл, дорогая, поделись секретом: какие транквилизаторы принимают кондитеры, что они такие спокойные?

Вэлери устало улыбнулась той самой улыбкой человека, который одновременно смертельно устал и при этом страшно доволен результатом.

— Ладно, — сказала она, снимая фартук. — Пережили карамель — переживём всё. Завтра отвезём торт в поместье и попробуем понять, что там, собственно, произошло.

Глава 7

На утро в кондитерской не осталось и следа от ночного дебоша — всё снова было идеально чисто. Просто магия вне Хогвартса какая-то! За окнами висел густой, плотный туман. Тот самый, настоящий английский, который делает мир тише и ближе, чем он есть. Воздух был холодным и влажным, серость неба ровно ложилась на крыши, а «Карамельное пёрышко» выглядело маленьким островком тепла в этой хмурой утренней пустоте.

У крыльца кондитерской стояла машина Вэлери — старенький Austin Metro, небольшая аккуратная коробочка цвета выцветшей мяты. Казалось, она застала времена правления ещё Георга VI и с тех пор мечтала лишь об одном: чтобы её наконец оставили в покое и позволили тихо ржаветь у стены. Но вместо этого жизнь заставляла её изображать транспортное средство.

Впрочем, у Metro было одно неоспоримое достоинство — багажник. Он был обит мягкой тканью и оборудован держателями и ремешками, способными надёжно зафиксировать коробки с выпечкой любого размера: от тарталеток до трёхъярусных тортов. Машина могла покапризничать и не сразу завестись, но торты довозила идеально.

— Я всё ещё считаю, что надо было брать такси, — тихо сказала Таня, наблюдая, как Вэлери закрепляет ремешки вокруг коробки с крокембушем размером с сидящего лабрадора.

— И доверить этот торт английскому таксисту? — Вэл даже не подняла глаз. — Нет уж. Кэролайн обошла машину кругом, прищурившись:

— И она правда ездит?

— Иногда, — вздохнула Вэл. — Когда наступает безвыходная ситуация. Или когда меня кто-то очень уговаривает.

— То есть сегодня, — заключила Таня.

Вэл осторожно села за руль, подвинула и отодвинула сиденье, пристегнулась и завела двигатель. Она была максимально сосредоточена, словно от каждого движения и даже от её дыхания зависело, останется ли торт в вертикальном положении или произойдёт кулинарная катастрофа. Глядя на это, Таня несколько раз проверила крепление ремня безопасности и замок двери. Кэролайн была спокойнее. Она любила автомобили и считала, что в вождении нет ничего сложного.

Машина плавно выехала на дорогу.

Вела её Вэлери так, будто ехала на прогулочном дамском велосипеде, вежливо пропуская все автомобили и пешеходов.

— Мы вообще доедем до наступления темноты? — спросила Таня, глядя вслед обогнавшей их «Тойоте».

— Да, если никто не решит перейти дорогу в самый неподходящий момент, — ответила Вэл. — При резком торможении она намертво заглохнет.

Кэролайн смотрела вперёд, пытаясь рассмотреть сквозь туман направление на Барроу-Хилл.

— Боже мой, какая же Англия... — сказала она. — Тишина, зелёные поля, каменные заборы, овцы, туман... Даже не верится, что мы едем на место преступления.

Дорога постепенно шла вверх, изгибалась, уводила от города.

С обеих сторон тянулись низкие живые изгороди, деревья, редкие коттеджи, будто вырезанные с открытки.

Иногда попадались старые указатели: Элмстед, Патриксборн, Чилленден. Все они вели куда-то в глубины Кента — туда, где время словно замерло.

Вдалеке, на холме, проступил первый силуэт — крыши и башенки Барроудейл-Мэнор.

— Вот он, — сказала Таня.

— Господи... — пробормотала Кэролайн. — Я думала, он будет гораздо меньше.

— Ты думала про английскую глубинку, — сказала Таня. — А это базовая комплектация старинной аристократии.

Машина подпрыгнула на маленькой кочке, и три девушки одновременно задержали дыхание. Торт остался на месте.

Вэл медленно выдохнула:

— Если ещё раз встряхнёт, я развернусь обратно.

— Нет, — твёрдо сказала Таня. — Мы уже близко.

— И у нас идеальная легенда, — добавила Кэролайн. — Мы доставка. Мы везём торт. И нам надо туда попасть.

— Мне уже совсем не нравится эта идея, — Вэл прикусила губу. — Кажется, что нас либо прогонят с позором, либо я буду той самой помешанной, которую потом обсуждают на приходском собрании: «помните, была такая, что пыталась протащить свадебный крокембуш в дом, где произошло убийство?»

Таня хмыкнула.

— Вэл, тебя уже обсуждают. Ты же посмела в самом сердце Англии готовить французские десерты. И не только. Чего стоят одни эти *vatrushka* и *pirogy*. Ты просто даёшь им свежий материал для сплетен.

— Спасибо, — сухо ответила Вэл. — Это именно то, чего мне не хватало: славы городской сумасшедшей с пирожными.

Они свернули на длинную подъездную аллею, и под колёсами тихо зашелестел влажный гравий.

Поместье проявлялось из тумана медленно, как фотография в тёмной комнате.

Сначала тёмная геометрия крыши, пронзённая дымоходами. Потом появились строгие линии фасада. И лишь когда машина подобралась ближе, стало понятно, насколько огромным и пустым был дом.

Барроудейл-Мэнор вытянулся по горизонтали, словно пытался занять собой весь холм. Светло-серый камень местами потемнел от времени, образуя неровные пятна — следы давних дождей, которые так и не высохли до конца. Узкие высокие окна тянулись в строгом порядке, как страницы аккуратно прошитой книги. Но одно, на верхнем этаже, немного выбивалось: рама была перекошена, а стекло было чуть мутнее остальных, будто его давно не открывали.

Перед центральным крыльцом лежала широкая каменная лестница, стёртая посередине от бесчисленных шагов. На двери висел латунный молоток в виде львиной головы, полированный временем, массивный и холодный даже на вид. Справа угадывались конюшни, слева — заросший сад с прямыми аллеями, в которых деревья стояли неподвижно, как актёры перед началом сцены.

Воздух пах влажной листвой и сырым камнем. Тем тяжёлым осенним запахом, который бывает в старых парках перед дождём. Где-то за домом кричала невидимая птица, нарушая тишину. А под самой крышей ветер гулял так, будто пытался найти щель пошире и пробраться внутрь: лёгкое хлопанье, тонкий свист, короткие вздохи сквозняка. Дом был красивым. Но в этой красоте не было ни намёка на уют. Скорее выдержанная, хрупкая тишина места, которое слишком давно привыкло к своим тайнам.

Вэл остановила машину перед входом.

— Ну вот мы и приехали, — выдохнула она.

Таня первой отстегнула ремень.

— Готовы?

— Нет, — одновременно ответили Вэл и Кэролайн.

У входа стоял высокий, сухоплечий человек в сером жилете поверх идеально выглаженной белой рубашки и в белоснежных перчатках. Дворецкий. Он ещё не произнёс ни слова, а уже хотелось сказать: «мы по ошибке, честное слово, сейчас же уедем обратно, извините».

Он шагнул вперёд и чуть наклонил голову.

— Могу ли я вам помочь? — голос был глубокий, собранный.

Вэлери нервно поправила выбившийся из причёски локон.

— Мы... ммм... торт, — выдохнула она. — Заказ... для леди Барроудейл. Привезли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.